

Б.МАЛИНОВСКИЙ**ДИНАМИКА КУЛЬТУРНОГО ОБМЕНА.
ВВЕДЕНИЕ В РАСОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В АФРИКЕ*****Теории культурного обмена***Контактная ситуация как интегральное целое*

Что касается природы культурного обмена, то здесь сразу же напрашивается одно простое решение. Контактная ситуация в любой момент представляет собой культурную реальность. Почему мы не должны считать ее «интегральным целым», если в каждом определенном случае мы можем наблюдать африканцев и англичан, индийцев и средиземноморских иммигрантов, работающих совместно на одной территории для достижения общих культурных целей? Как только мы признаем это, проблема сбора эмпирических данных решается сама собой. Мы должны были бы использовать те же методы и средства, которые раньше использовали антропологи в исследованиях примитивной, относительно цельной, единой культуры.

Сейчас в основном соглашаются с тем, что европейцы составляют интегральную часть любой контактной ситуации. Какое-то время назад я в некоторой степени легкомысленно настаивал на том, что «просвещенный антрополог должен считаться с европейской глупостью и предрассудками» в такой же степени, как и с африканскими суевериями и отсталостью. Сейчас я утверждал бы это с большей осторожностью, особенно касательно того, что весь комплекс европейского влияния, интересов, благих намерений и хищнических побуждений должен стать неотъемлемой частью исследований африканского культурного обмена. Действительно, в настоящее время эта точка зрения стала почти банальностью в теоретических разработках и в полевой работе. Но я думаю, те, кто утверждает, что «миссионеров, администраторов, торговцев и наемных рабочих необходимо рассматривать в качестве факторов племенной жизни в такой же степени, как вождя и знахаря», распространяют это разумное утверждение слишком далеко. Что касается сбора эмпирических

данных, то нам советуют, что «для исследований такого рода не требуется какой-то особой техники...». В то же время другой автор утверждает: «Контактные агенты могут считаться интегральной частью общности». Это звучит довольно правдоподобно и, конечно, значительно упростило бы данную проблему.

Нам следовало бы лишь немного увеличить число опрошенных и, возможно, получить доказательство надежности их сведений. Мы могли бы рассматривать местных европейцев в качестве достоверного источника информации и использовать их с этой целью так же, как кто-то использует туземцев.

К сожалению, этот тип упрощения нежелателен. Такой подход, когда сложные ситуации обмена принимаются в качестве «интегрированного целого», «односторонний» подход, как мы могли бы его назвать, игнорирует общую динамику процесса. Он не считается с важнейшим фактом культурного обмена, то есть с тем, что европейские резиденты, миссионеры и администрация, поселенцы и предприниматели, действительно, являются основными агентами обмена. Концепция безусловно интегрированной общности в действительности игнорировала бы такие факты, как расовый барьер, постоянно разделяющий двух партнеров в ситуации обмена и существующий в церкви, на фабрике, в вопросах ручного труда и политического влияния.

Прежде всего, он затрудняет понимание и искажает единственно правильную концепцию культурного обмена в таких случаях: тот факт, что он является результатом воздействия более развитой и экспансивной культуры на более простую и пассивную. Типичные феномены обмена, восприятие или ликвидация, трансформация и возникновение новых институтов исключаются концепцией безусловно интегрированной общности или культуры.

Эта концепция, однако, выражает истину частично: небольшое общество, стационарное или стагнирующее, или общество, которое несмотря ни на что практически не подвергалось влиянию вестернизации, может рассматриваться как находящееся в состоянии временного приспособления. Миссионер может обратить часть племени в свою веру, но другая часть останется языческой. Администратор может оказаться без возможности или мотивов для вмешательства в обычную жизнь племени. Торговец, уже упрочивший свое по-

* Malinowski B. A Scientific Theory of Culture and Other Essays. Chapel Hill, 1944.

ложение, может предоставлять товары, которые успели стать необходимыми, и получать взамен деньги или какую-то туземную продукцию. Такая группа людей, которые вступают в кооперацию и живут бок о бок на время продолжения отношений, лишены особого динамизма, которые временно приспособлены друг к другу, может исследоваться в качестве интегрального целого.

Однако, какие документации мы вынуждены были сделать для того, чтобы достигнуть этого временно полезного упрощения? Мы соглашались на время забыть о самом факте обмена. Это, очевидно, необоснованно, когда обмен является главным предметом нашего изучения. Именно когда мы пытаемся организовать нашу работу и интересы вокруг концепции обмена и методов полевой работы с целью исследования культурных контактов, недопустимо забывать, что европейские агенты устанавливают повсюду основные направления обмена, что они являются определяющим фактором в том, что касается инициативы в этом процессе, что именно они планируют меры и ввозят вещи в Африку, что они запрещают, что они забирают землю, труд и политическую независимость и что они сами в большинстве своих действий находятся под влиянием инструкций, идей и сил, которые имеют свое происхождение за пределами Африки.

Возьмите, например, миссионера. Он не может «рассматриваться в том же ракурсе, что и жрец...» Миссионер занимает центральное положение и является инициатором в религиозной революции, которая сейчас происходит в Африке. Он не соответствовал бы своему занятию, если бы когда-нибудь решил действовать по принципу, что христианство такое же, как и «любая другая форма поклонения». На самом деле он должен рассматривать все остальные формы религии как вводящие в заблуждение и подходящие лишь для разрушения и считать христианство совершенно особенной, единственно истинной религией для распространения. Будучи далеким при сопоставлении различных культов и христианской Благой вести от признания их равноправия, миссионер занимается активным вытеснением первых.

Администратор, опять-таки, будучи неспособным выполнить роль старейшины и не имея возможности выражать волю племени в каком бы смысле он ни был его интегральной частью, должен всегда оставаться над племенем и контролировать его извне. Он не считает-

ся вождем потому, что не действует, как вождь. Простой британский чиновник старается отправлять правосудие и быть отцом по отношению к своим «подопечным». Но с его точки зрения является ли он интегральной частью племени? Нет. Он не был рожден или воспитан в этом племени, он мало знаком с его представителями и ценностями; фактически он слуга Британской империи, временно находящийся в какой-то колонии, окончивший публичную школу англичанин или шотландец. Превыше всего он должен защищать интересы империи. Он обязан быть на страже европейских интересов в колонии, а также поддерживать равновесие этих интересов с требованиями туземцев. Попытка представить себе роль, которую играют европейские политические агенты в Африке, в терминах воображаемого «безусловно интегрированного» общества не позволила бы нам дать адекватное определение задач, природы и значения колониальной администрации.

Промышленное предприятие тоже не может рассматриваться как часть племенной системы. Было бы странно, если какое-то африканское племя владело бы золотыми приисками с гигантским заводом в Ранде, фондовой биржей в Йоханнесбурге или системой банков от Кейпа до Каира. Коммуникационные системы, железные дороги и самолеты Империял Эрвейз (Imperial Airways), система автодорог с бегущими по ним легковыми и грузовыми автомобилями — все это является частью культурного контакта. Но идея большого африканского племени, в рамках которого все это могло бы поместиться, разбивается вдребезги, едва успев появиться.

В равной степени было бы трудно считать поселенцев и их африканских соседей членами одной большой семьи, так же трудно, как и приложить эту концепцию к некоторым африканскоговорящим группам и каффирам, объединение с которыми идет вразрез с фундаментальными принципами Грондвета (the Grondwet), или конституции Бурских республик.

Что касается практического применения, то лишь представления культурного обмена как удара со стороны западной цивилизации и ответной реакции на него со стороны туземных культур является в этом случае плодотворным. Мы должны относиться к планам, намерениям и интересам европейских контактных агентов как к чему-то, что может быть реализовано лишь через сотрудничество с

коренным населением Африки или что терпит крах вследствие реального конфликта интересов, неправильного планирования, непонимания или отсутствия достаточных оснований для эффективной кооперации. Антрополог может выступать здесь в роли советчика, если он имеет ясное представление о том, что всегда существуют определенные условия, когда этого можно достичь, в то время как в некоторых случаях столкновение неизбежно.

Таким образом, сущность изучения культурного обмена в некоторых аспектах отличается от изучения стационарных культур, исследуемых с помощью обычных методов ведения полевых работ. В нашем случае есть культура, дающая и принимающая. Следовательно, нам приходится иметь дело с двумя культурами вместо одной, изменениями реципиента, вызываемыми агрессором, и наоборот. Но не только с этим. Существует также определенная формация агрессивной или воюющей общности. Эта общность, конечно, является точным слепком своей материнской общности на родине. Взаимодействие туземных и европейских общностей не исключает возможности появления третьей стороны, как, например, смешанного населения, например, в Южной Африке. Все это чрезвычайно усложняет проблему, или скорее увеличивает число составных частей нашего предмета исследования.

Здесь антрополог более не может изучать хорошо определенную, ограниченную реальность, такую, как один из островов Океании. Он имеет дело с частью огромного континента, с общностью, окруженной бесконечной «периферией». В действительности он имеет два типа «периферии» в этнологическом смысле, с которыми ему приходится сталкиваться: одна из них это – европейская культура, с которой контактируют белые и которая направляет их действия, откуда они импортируют товары и заимствуют идеи и в которую они тем или иным путем в конечном итоге возвращаются. Африканец также имеет свою «периферию», свою древнюю культуру, сейчас ушедшую в прошлое, или в другом смысле, их собственное общество, в которое он возвращается после кратковременного контакта с белым населением, и даже с другими племенами, с которыми ему придется сотрудничать.

Если обычная антропология работает в одной сфере, то антропология культурного обмена – по крайней мере в трех: белая «перифе-

рия», черная «периферия» и сама сфера культурного контакта. Ни одно явление культурного контакта не может быть исследовано без постоянного обращения к собственно европейской и туземной культуре.

Диффузия

Если бы нам необходимо было найти готовое решение в существующей этнологической теории для трактовки свидетельств культурного обмена, мы, естественно, обратились бы к учению исторических связей и диффузии культур прошлого, разработанному школой, основателем которой был Ратцель, но в которую заметный вклад сделали многие американские и немецкие антропологи. Эти школы представляют диффузию как перемещение элементов или черт одной культуры в другую. Предполагается, что они должны восприниматься соединенными в комплексе, в котором составные элементы не связаны естественным образом друг с другом. Таким образом, следствие диффузии рассматривается в качестве смеси культурных элементов или комплексов, настолько непрочно связанных друг с другом, что основная теоретическая задача анализа культурных слоев или других разнородных систем состоит в выделении их из форм, в которых они существуют, и в указании, каково их происхождение.

Так, случайные сравнительные исследования меланезийской и западно-африканской культур пытаются доказать, что культура лука и стрелы распространилась со своей родины где-нибудь в Меланезии в Западную Африку и в другие части света. Другие исследования показывают историческое воздействие мощных культурных потоков, исходящих из Юго-Восточной Азии через архипелаг Сунда, на Океанию. Британская школа диффузионизма пыталась в своей вдохновляющей реконструктивной работе найти доказательства тому, что древняя культура Египта оставила свой след по всему миру, постепенно распространяясь по древнему Востоку, – в Индии, Китае, на островах Тихого океана и дальше в Новом Свете.

Ценные и наталкивающие на размышления исследования, методы, на которых они основаны, и их центральные концепции необходимо тщательно пересмотреть в свете нового эмпирического материала, полученного из действительных полевых работ, посвященных Африке. Предвосхищая некоторые результаты, я должен сказать, например, что критерий идентичности Грэннера, широко известный принцип формы и единства, а также принцип невзаимо-

связанных черт будут опущены. Фактически представление о диффузии в терминах черт и комплексов черт имеет, по моему мнению, сомнительную ценность. Эмпирические исследования диффузии показывают нам, что этот процесс не ограничивается беспорядочным «давать» и случайным «брать», но он направляется определенными силами и давлением со стороны культуры-донора и вполне определенным сопротивлением со стороны реципиента. Мы также обнаружим, что диффузия вообще не может подвергнуться полевым исследованиям до тех пор, пока мы не поймем, что трансформируемые системы являются не чертами и комплексами качеств, но организованными системами, или институтами. Именно европейская администрация воздействует на туземную племенную власть, именно западное предприятие видоизменяет труд в Африке, и именно организованное миссионерское общество трансформирует организованную африканскую религию.

Продукт обмена как смесь элементов

Другая концепция феномена обмена во многом следует теоретическим принципам, подразумеваемым немецкими и американскими диффузионистами. Этот взгляд избегает ошибочного рассмотрения обмена как целостного культурного феномена и правильно, как оказывается сейчас, считает африканскую культуру неоднородной. Среди британских антропологов доктор Моника Хантер, – возможно, наиболее известный сторонник особого подхода к проблемам культуры и новых методов исследования культурного обмена. Однако, следуя диффузионистским идеям и методам «культурного анализа», она понимает термин «смесь» несколько механистически. По ее мнению, главной задачей антропологии было бы «насколько это возможно: разделить элементы, заимствованные из европейских культур, от тех, которые были частью культуры Пондо до прихода европейцев».

Она ясно противопоставляет «чисто функциональное исследование» и «контактное исследование», и она проницательно замечает, что точка зрения строгого функционалиста должна быть изменена, когда мы имеем дело с быстро меняющейся африканской цивилизацией и экспансией европейских влияний. Прочитавший прежде доводы увидит, что я полностью согласен с необходимостью развивать новые методы, новые инструменты изложения и надобностью расширения кругозора старой антропологии. Трехсторонний

подход не был необходим для старого типа полевых исследований, концентрировавшихся только на стационарных туземных общностях. Но ясно, что я не могу согласиться с утверждением, будто культура – это «смесь частично слившихся элементов, которые могут быть поняты лишь в рамках породивших их культур», или опять-таки когда она говорит о «невозможности понимания существующих институтов без знания их прошлого».

Прочитанные отрывки заставляют нас рассмотреть несколько вопросов, крайне существенных для формулирования методов исследования и теории культурного обмена. Предполагает ли сравнение «смесь частично слившихся элементов» правильное видение природы культурного обмена? Действительно ли мы должны иметь дело с механическим сопоставлением или с полным беспорядком, с элементами, извлеченными из двух разных контекстов и смешанными в различных пропорциях? А также: в каком смысле может быть понята нынешняя фаза развития и обмена в рамках родительских культур? Являются ли изменения в Африке тесно связанными с европейской культурой, с одной стороны, и со старой африканской культурой, с другой? В действительности не имеют ли коренных различий европейцы в Африке и у себя на родине? Под этим я имею в виду, что наступление европейских интересов, влияний и активных посредников не является простым слиянием или смешиванием, но чем-то, ориентированным на определенные цели, которые не вполне сочетаются друг с другом и которые, следовательно, не имеют каких-то простых проявлений; прежде всего, здесь не происходит простого смещения или слияния с африканскими культурами, но они изменяются в гораздо более сложном и динамичном направлении.

Конечно, вращаясь в городском районе, на шахте или даже в туземной резервации, мы могли бы найти целый список предметов, обычаев и типов действий, которые невнимательный наблюдатель, естественно, отнес бы к категории европейской или африканской.

Совершив визит в наиболее старый и заброшенный из туземных дворов в Йоханнесбурге, я обнаружил следующий примечательный набор: спиритический сеанс, совершаемый знахарем зулу; собрание молящихся методистов, поющих гимны и совершающих проповедь; юношей, готовящихся к церемонии инициации; африкан-

скую игру с доской и галькой с использованием европейских денег; а также следующую коллекцию предметов: ботинки из Моравии, велосипед из Японии, ассортимент предметов одежды от индийских, английских, немецких и американских портных.

Можно было бы очень легко проследить происхождение каждого из этих предметов и действий. Некоторые из них определенно происходили из-за границы. Другие – игра, гадание, некоторые украшения, безделушки и предметы одежды знахаря – были из Африки. Таким же был ассортимент лекарств, змей, летучих мышей и черепов бабуинов на рынке. Разнородность происхождения и несоместимость предметов странной коллекции доставляет нам определенное удовольствие. Однако, такое механистическое разделение упускает значимость всего процесса, который стал причиной появления подобного дворика со всем, что в нем есть и происходит.

Возьмите любой предмет, например, японский велосипед. Эти крайне дешевые предметы производятся специально для африканского рынка. И, таким образом, велосипед не является частью японской культуры, даже в ее современном виде. Потребность в нем – есть результат всего комплекса сил, которые заставляют туземное население ассимилировать чужие привычки вследствие престижа европейцев и их особого ореола превосходства. Использование велосипеда также стало возможным в результате деятельности европейцев, такой, как строительство дорог и проведение линий коммуникации, а также в результате необходимости быстрого и дешевого средства передвижения от места жительства к месту работы. На некоторых территориях африканцам запрещено пользоваться автобусами и трамваями, поэтому приходится пользоваться велосипедами.

Таким образом, ни африканские потребности, ни механизмы проникновения предметов другой культуры не могут быть поняты до тех пор, пока мы не будем рассматривать этот единственный предмет на фоне действия сложных, но вполне определенных сил.

Возьмем предметы одежды. Туземец, который служит в качестве констебля или солдата, который работает по контракту на шахте или на дому, часто имеет униформу, а новообращенный вынужден усвоить нормы одежды, соответствующие христианским понятиям благопристойности.

Ни одна из этих видов униформ не является повторением европейского или африканского образца. Йоханнесбургский финансист, который нанимает повара или мальчика-слугу не пытается сделать его похожим на себя, а также на дворецкого или лакея, но дает ему особую одежду, присущую именно африканскому слуге.

Таким образом, восприятие европейского типа одежды не является вопросом «обособленных черт», но есть результат организованных процессов. Если мы хотим понять это, то нам необходимо рассматривать европейскую торговлю, европейские агентства по найму, а также всю психологию, воплощенную в конкретные институты, с учетом европейского престижа и превосходства, и определенных закономерностей, наблюдаемых в частичных изменениях африканцев.

То, что понятно относительно материальных предметов, получает еще более глубокую значимость, когда мы касаемся социальных явлений и выражений духовной культуры. Гадание и магические ритуалы, обнаруженные в городском дворике, не являются прямыми проявлениями настоящих африканских институтов. Спиритический сеанс, свидетелем которого я стал в Йоханнесбурге, представлял собой африканское гадание, но приложенное к случаю наведения порчи на почве соперничества и ревности в среде шахтеров, вознаграждение было выдано британскими деньгами, а окончательное решение было выражено в терминах, которые ни один член племени не понял бы. Церемонии инициации, проводимые в окрестностях Йоханнесбурга, являются признаком возвращения к определенным племенным ценностям, коренным образом преобразованных в процессе обмена. Следовательно, любая попытка глубже понять феномен обмена уводит нас далеко от игры с «чертами», «комплексами черт» или «культурными слоями».

Проблемы, поднятые здесь, интересны и важны как для теории антропологии вообще, так и для сферы, в которой мы работаем, т.е. для принципов и методов культурного обмена. Поэтому разрешите нам продолжить дальше анализ путем рассмотрения некоторых других институтов, в которых задействованы европейцы и африканцы.

Возьмем такой типичный продукт обмена, как крупное промышленное предприятие – африканские золотые или медные шахты. Можем ли мы рассматривать его в рамках смеси, сопоставления или

набора «частично слившихся элементов»? Конечно, нет. Это новый тип предприятия, организованный на основе западного капитала и европейской инициативы, но работающий в экзотических условиях и с использованием африканских рабочих. Представим себе набор элементов, заимствованных у западной цивилизации: шахтовое оборудование – инструменты, вагонетки и рельсы; машины для размельчения руды; разнообразные инженерные приборы, громоздящиеся в саванне или в джунглях. Представьте огромное количество африканских рабочих, стянутых сюда, а также контингент квалифицированных европейских рабочих и инженеров. Все это, соотнесенное друг с другом, механически соединенное в единое целое, еще не означает существования шахты или завода. Это может рассматриваться лишь как набор условий, необходимых, но недостаточных для создания этой отрасли. Когда заканчивается заимствование, начинается культурный обмен. Приложение финансовых и инженерных планов на организацию труда в Африке с целью использования африканских ресурсов представляют собой новый процесс, реальный процесс контакта и обмена.

Когда новое промышленное предприятие уже создано, мы имеем сложную систему, обязательно зависящую от африканской рабочей силы и ресурсов, которая более не может быть разделена на африканскую и европейскую составляющие. Она не может быть изучена ни как единое целое, ни, будучи разделенной на компоненты, в рамках европейских и африканских прототипов. Не существует европейского прототипа для расистского законодательства и практики, для вербовки в запас, для метода защиты от безработицы путем возвращения лишней рабочей силы на племенные земли в периоды кризиса. Оплата труда, основанная на расовой дискриминации, тип контрактов с односторонними санкциями и стимул, толкающий местное население на их заключение, – все это ново и для Европы, и для Африки. Это определяется тем фактом, что мы имеем две расы и две культуры, воздействующие друг на друга.

Концепция механистического заимствования элементов из одной культуры в другую ведет нас не далее начальных подготовительных этапов работы, но она рушится под давлением любого чуть более тонкого анализа. Что действительно имеет место, так это взаимодействие особых контактирующих сил: расовые предрассуд-

ки, политический и экономический империализм, требования сегрегации, защита европейских стандартов жизни и африканская реакция на все это. Попытка изучить любое крупное независимое промышленное предприятие в Африке с точки зрения концепции «смешения» приведет к тому, что мы закончим исследование интересующего нас процесса в том самом месте, когда оно действительно становится значимым.

Африканские рабочие отличаются от европейских с точки зрения их юридического, экономического и социального положения. В то же время их положение никоим образом не может сравниться с положением их сородичей в африканской племенной экономике. Размеры оплаты труда, санкции за нарушение условий договора, законы о перемещении и проблемы питания, существующие в Южной Африке, не могут быть осмыслены в рамках европейской или африканской родительских культур. Никакая классификация здесь невозможна, никоим образом нельзя возвратиться к предшествующей культуре как элементу реальности. Потому что в данном случае мы имеем дело с обширным феноменом, сущность которого определяется набором экономических, юридических и социальных норм, возникших в ответ на новые потребности: крупномасштабное использование африканских ресурсов европейцами для достижения их целей посредством местной рабочей силы. Несостоятельность подхода к этому явлению как к «груде» фрагментов, заимствованных из черной и белой родительских культур, очевидна.

Задача исследователя не может состоять в отделении и перегруппировках элементов черной и белой культур воображаемого конгломерата, потому что реальность культурного обмена не является ни конгломератом, ни даже сопоставлением частично слившихся элементов.

Обратимся к другому примеру. Трещобы Йоханнесбурга, являющиеся сами по себе продуктами культурного контакта, могут дать нам несколько другую «смесь», символическую для культурного обмена, – скокиан (skokian), знаменитый напиток, который изготавливается, продается и употребляется в известных местах проживания туземного населения. Современная девушка, подыскивающая потрясающий напиток для своей коктейльной вечеринки, может найти его рецепт в отчете Национальной Экономической Комиссии.

«Были изобретены чрезвычайно вредные напитки. Было добавлено все, что быстро повышает уровень алкоголя: карбид кальция, метиловый спирт, табак, патока и сахар, голубой камень и др.» Ингредиенты этого коктейля никогда не присутствовали на вечеринках где-нибудь в Блумсбери или в Гринидж Вилдж. В качестве элементов напитка они не были заимствованы, но были заново приспособлены африканцами для новых функций. И естественно, африканская культура не имела «предмета» использования карбида кальция, голубого камня или метилового спирта. Скокиан – это естественное следствие взаимодействия трущоб с европейскими моральными устремлениями. Прочтите другие абзацы отчета и вы поймете, что скокиан возник в ответ на «проблему... изобретения напитка, который можно было бы делать и хранить в небольших количествах, легко прятать, который можно приготовить за несколько часов и быстро получить эффект алкогольного опьянения». Потому что в общем пуританском наступлении на местное пиво – совершенно безвредный напиток – и в условиях полицейского контроля, которым это было усилено, местное население было вынуждено изобрести скокиан и ему подобные напитки.

Являются ли такие явления, как туземные пригороды или шахтовые компаунды, мелкие арендные владения африканцев или сельскохозяйственные кооперативы, смесью? Вряд ли. Они все до единого представляют собой абсолютно новые продукты условий, являющихся следствием удара европейской цивилизации по архаичной Африке. Опять-таки, когда мы наблюдаем случаи, в которых в африканских деревнях появляются очень упрощенные типы европейских домов, мы обнаруживаем, что вместе с этим имеется и целый ряд особых условий их возникновения. Те, кто живет в домах европейского типа, являются образованными и принявшими христианство туземцами, усвоившими элементарные нормы гигиены и чистоты и работающие у белых работодателей или собирающие налоги. Потому что для строительства и использования этих новых материальных объектов необходима определенная сумма наличных денег. Действительно, эмпирическое исследование проблемы показало бы, что усваиваются не дома или кровати, даже не культурный комплекс, состоящий из всех этих предметов, но скорее целостный институт семьи западного типа, основанный на христианских ценностях и об-

разовании, на восприятии некоторых европейских стандартов и использовании денег. Но даже и сейчас мы говорим метафорами. В действительности в масштабах всей Африки происходит формирование нового типа туземной домашней жизни, результата определенных европейских воздействий, которые, однако, в процессе усвоения африканцами были коренным образом видоизменены.

Школа в саванне не имеет прототипов ни в Европе, ни в традициях африканского племени. Проблема образования мужчин и женщин по специальностям, которыми они по закону не могут заниматься, возникала ни в Европе, ни даже в среде банту.

Рассмотрим образованность африканца как конечный продукт данного процесса. Хотел бы я посмотреть на этнографа, который мог бы выполнить задачу разделения европеизированного африканца на его составные части и при этом не разрушить единственную вещь, которая имеет важное значение, – его личность. Образованный африканец – это новый тип человеческого существа, наделенный способностями и энергией, преимуществами, проблемами и взглядами, которыми не обладает ни его европейский сосед, ни его «родной» брат.

Сущность культурного обмена обуславливается факторами и обстоятельствами, которые не могут быть ни исследованием каждой культуры в отдельности, ни изучением их обеих в качестве колоссальной груды элементов. Противодействие и взаимодействие обеих культур порождает новые явления. Даже материальный предмет, орудие труда или такое средство, как деньги, изменяются в самом процессе культурного контакта. Антрополог должен скоррелировать европейские благие намерения с требованиями ситуации, вдохновенный либерализм и добрую волю миссионера с более прагматичными взглядами финансиста, предпринимателя и поселенца. Вся концепция, представляющая европейскую культуру как рог изобилия, из которого бескорыстно раздаются блага, ошибочна. Европейцы берут взамен так же много, а фактически даже больше, чем отдают. Но то, что они забирают, это не культурные черты, а земля, богатства и труд. И это ни обвинительный акт и ни поддержка пронационалистических выступлений. Это лишь серьезное предупреждение о том, что подход, который в изучении обмена не затрагивает реальных движущих сил, не удовлетворяет интересам науки.

Я думаю, необходимо уяснить раз и навсегда, что представление о процессе культурного обмена как о статистическом явлении, в котором европейцы и африканцы достигли временной интеграции и гармоничного единства, не даст ожидаемого результата. Так же несостоятельно и представление о процессе как о механической смеси, где главной задачей является разделение элементов и отнесение их к одной из культур. Феномен обмена является новой культурной реальностью, которая должна изучаться непосредственно с полным осознанием того, что нам здесь приходится иметь дело, по крайней мере, с тремя фазами, что эти три фазы взаимодействуют и что характер их взаимодействия нельзя предугадать, определить первоначальные элементы.

Исследователь культурного обмена должен принять во внимание три типа действительности: экспансия высокоразвитой культуры, сущность туземной жизни, на которую она направлена, и феномен автономного обмена, являющийся следствием реакции между двумя культурами. Лишь анализируя каждую проблему в этих трех направлениях и затем сопоставляя список европейских воздействий с ответами на них со стороны туземной культуры и происходящими в результате изменениями, мы действительно обладаем необходимыми инструментами исследования. Не являясь простым механическим соединением двух первоначальных воздействий, европейского и африканского, культурный обмен представляет собой оппозицию каждого из них. Экспансия порождает конфликт, кооперацию или ведет к компромиссу.

Функциональная теория культуры

Гораздо более глубокий анализ должен заменить смутные и абстрактные термины, используемые для описания явлений частичного консерватизма, быстрой детрайбализации, процесса отбора некоторых культурных элементов и проблем аккультурации в других аспектах. Решение этих проблем может быть найдено, с одной стороны, лишь через функциональный анализ туземного общества и через понимание европейских вкладов и заимствований – с другой. Особое ударение обычно делается на судорожном принятии африканцами наших культурных ценностей, но, как мы увидим, куда бо-

лее важными являются приобретения европейцев. «Выборочному консерватизму» со стороны африканцев соответствуют выборочные вклады европейцев и отнимание таких вещей, как земля, природные ресурсы, результаты труда африканцев, политический суверенитет правителей, социальный статус и право на самоопределение всех и каждого из африканцев. Европейцы распространяют полезные достижения своей культуры с не меньшей избирательностью, чем та, которую проявляют африканцы в усвоении того, что им предлагается. Итак, давайте обратимся к анализу консервативных сил внутри африканского общества.

С точки зрения метода и теории полевой работы наиболее важный принцип заложен в функциональной концепции культуры. В соответствии с ним изучение явлений, вырванных из своего естественного окружения, должно непременно свести на нет теорию, полевые исследования и их практическое применение. Явление клиторидектомии в церемониях инициации стало подвергаться нападкам европейцев. Это исказило ценность и важность данного института в глазах и африканцев, и европейцев. Рассмотрение внедрения такого орудия труда, как плуг, в изоляции от того, что оно означает для коренных преобразований туземного сельского хозяйства, приводит исследование в тупик.

Главная ошибка, неизменно совершаемая в различных дискуссиях и даже в практическом отношении к косвенной власти, заключается в рассмотрении вождя как единственной фигуры, с которой стоит считаться. «В большинстве частей Африки обнаружение вождя считалось эквивалентным доказательству существования косвенной власти», – говорит нам д-р Ричарде в его замечательной статье «Племенная власть в изменении». Опять-таки разрозненные нападки на некоторые запреты беременности, сексуальные излишества и определенные брачные обычаи в африканских племенах со стороны миссионеров, которые оказались неспособными найти связь между этими ритуалами и основными институтами семьи и брака, стали, по моему мнению, главной причиной неудачи попыток повысить уровень моральных стандартов африканцев.

Современный антрополог, представитель функциональной школы, прекрасно знает, что он должен организовать свои наблюдения, связать обычаи, верования, ценности и привычки с ядром, вокруг

которого они возникают. Для функционалиста культура, т.е. весь комплекс материальных предметов, социальных групп, идей, верований и обычаев, устанавливает огромный аппарат средств, с помощью которых человек занимает позицию, наиболее удобную для решения конкретных, специфических проблем, с которыми он сталкивается в процессе адаптации к условиям окружающей среды при удовлетворении своих потребностей. Разрешите мне дать краткое описание основных принципов функциональной теории культуры.

Необходимо принять в качестве аксиомы то, что все люди нуждаются в пище, в самовоспроизведении, что им необходим кров, личная безопасность, чистота и приемлемое состояние окружающей среды. Антропологическая теория в данном утверждении должна основываться на биологическом факте. В конце концов, человеческое существо – лишь один из видов животных. Он должен приспособиваться к элементарным условиям, которые необходимо поддерживать, чтобы раса продолжала существовать, индивид мог выжить, а также для сохранения работоспособности организма. Нормальный обмен веществ может протекать лишь в организме, получающем необходимое количество пищи, кислорода и имеющем возможность мышечного движения и нервной релаксации.

Так-то оно так. Но может случиться, как это сделали некоторые социологи, например, Дюркгейм, что предметы социальной науки и физиологии будут совершенно разведены. Это невозможно. Потому что хотя люди и относятся к животным, они живут не только под влиянием одних лишь физиологических импульсов, но под влиянием природных импульсов, видоизмененных и оформленных в условиях культуры. Еда, которую употребляют аборигены Центральной Австралии или бушмены, не подошла бы европейцу. Для того чтобы выжить, его организм должен был бы перестроиться в сложном процессе вторичного привыкания. Размножение среди людей не происходит в простом процессе спаривания, но в рамках очень сложного культурного института брака. Родственные связи и сексуальное влечение детерминированы условиями культуры, и не только лишь физиологическими импульсами, но ими вместе с желанием общаться, потребностью в экономическом сотрудничестве, социальным положением и духовной совместимостью. И это полностью обусловлено тем фактом, что сексуальный импульс сам по себе

не приводит и не может привести к производству новых представителей человеческого рода. Воспроизведение потомства протекает в рамках воспитательных, экономических, юридических и моральных условий. Телесное движение не подчиняется чистым инстинктам, но организуется в массах людей, которые мы называем племенами, нациями и культурами, в чрезвычайно сложные специфические виды деятельности, связанные с технологией, транспортом, играми и достижением экономических целей. Можно показать, что даже такие процессы, как дыхание, пищеварение, сон и воздействие солнца, ветра и погоды, в представителях человеческого вида никогда не контролируются одними лишь врожденными физиологическими рефлексами, но видоизменяются под влиянием культурных условий. Человеческие импульсы – склонности, которые заставляют мужчину проявлять дискриминацию, побуждения, которые подталкивают мужчин и женщин к действию – направляются физиологией, принявшей форму привычки.

С этой точки зрения культура представляется как огромный обуславливающий аппарат, который через научение, обучение нормам и развитие задатков объединяет воспитание с естественной природой и производит индивидов, чье поведение не может быть предсказано на основе изучения одной лишь анатомии и физиологии. Все это говорит о том, что человек в отличие от животного никогда не удовлетворяет потребности своего организма непосредственно. Он добывает себе пропитание не через обращение к огромной кладовой природы, но через, в большей или в меньшей степени, круговой процесс экономической эксплуатации окружающей среды. Даже самые примитивные племена собирателей организуют добычу корней, поиск мелких животных и съедобных фруктов; они сохраняют и распределяют эту еду, готовят и потребляют ее в рамках организованных групп. Человеческое тело, даже среди тех людей, об одежде которых и говорить не приходится, не подвержено прямому влиянию ветра и солнца. Оно защищено стенами домов, согрето огнем, закрыто от ветра и палящего солнца. Человек также не сталкивается со своими проблемами в одиночестве. Люди организуются в семьи, они живут в обществах с племенными законами, в которых определены принципы власти, лидерства и иерархии.

Но технические навыки так же, как и организация, основаны на еще одном специфическом свойстве человека: развитости символизма абстрактных идей, первоначально воплощенном в языке. Это еще одна врожденная способность человека, тесно связанная с анатомическим развитием его мозга, позволяющая ему занять особое место в царстве животных. Язык и абстрактная мысль – это то, на чем строится познание, вера, юридическая система и племенное устройство. Через использование языка становятся возможными традиции и образование, т.е. передача традиций. Индивидуальный жизненный опыт превращается в коллективное знание человечества, ведущее людей, как мы видим на примере нашей цивилизации, к небывалому господству над природой.

Мы начали с аксиомы, что культура – это функциональная реальность, аппарат для удовлетворения базовых потребностей, т.е. для органического выживания, адаптация к условиям окружающей среды и поддержания континуальности в биологическом смысле. К этому мы добавили эмпирически королларий, что в условиях культуры удовлетворение органических потребностей достигается косвенными, опосредованными путями. Человек использует орудия труда, покрывает себя одеждой и находит прибежище в пещерах или хижинах. Он использует огонь для согревания и для приготовления пищи. Таким образом, он видоизменяет свои анатомические задатки, контактируя с физическим окружением. Человек делает это не в одиночестве, но будучи организованным в группы. Организация означает традицию навыков, знаний и ценностей.

Наше доказательство, таким образом, приводит нас к выводу, что культурное удовлетворение первичных биологических потребностей налагает на человека вторичные или производные императивы. Следовательно, весь комплекс материальных предметов должен быть произведен, сохранен, подвергнут распределению, использованию и оценке. Определенная экономическая организация, хотя и элементарная, обязательно присутствует в любом человеческом обществе. Она включает в себя систему традиционных правил, технику, собственность и способы использования предметов. Функциональный подход в сравнительных исследованиях культур, таким образом, постулирует, что изучение систем производства, распределения и потребления должно быть проделано даже в самом прими-

тивном обществе. В первую очередь оно должно быть направлено на определение понятий собственности, особенно собственности на землю, разделение труда, экономического стимула, благосостояния и ценности. Ценность как главный мотив организованных человеческих усилий, как принцип, в соответствии с которым люди вступают в кооперацию, производство, достигают благосостояния и окружают его религиозными и эмоциональными убеждениями, должна присутствовать даже на самых ранних стадиях развития.

Итак, мы определили экономический аспект в сравнительном исследовании культуры. В основу мы положили принцип, что та или иная форма экономической системы является универсальной чертой организованной жизни людей, т.к. она соответствует универсальному, хотя и производному императиву.

Другая производная, но все же универсальная черта всех культур может быть названа нормативом. Человек достигает превосходства над природой и своими конкурентами посредством кооперации. Кооперация означает совместную жизнь. И кооперация, и совместная жизнь подразумевают жертвы и объединенные усилия, подчинение частных интересов общей цели – короче, существование правил, власти и принуждения. Совместное существование в группах, даже маленьких и простых, имеет искушение в том, что касается сексуальных импульсов, использования продуктов питания и владения состоянием, удовлетворения амбиций и проявления силы. Статус, лидерство, власть и иерархия – те социальные особенности, которые должны были существовать на самых ранних этапах цивилизации, хотя тогда они могли быть тесно связаны с возрастом, полом и положением в семье. Функциональный подход к проблеме нормативов не позволяет нам войти в заблуждение из-за отсутствия формальных и институционализированных типов законодательства, юрисдикции или кодификации. Законодательство, эффективные санкции и отправление правосудия часто входят в другие виды деятельности.

Власть может часто находиться в руках главы семьи, старейшин рода или у лидера корпорации жрецов или тотемической группы. Кодификация племенных законов воплощена именно в принципах коллективного поведения, относящихся к браку и обязанностям родителей, экономическим требованиям и ритуальным правилам. Они, будучи не всегда ясно выраженными, все-таки неизменно из-

вестны всем членам общества. Тяжба может принять форму более или менее дружеского обсуждения, но так как закон, даже примитивный, никогда не действует автоматически в том, что касается принуждения и изменения, даже в самых простых формах культуры существуют особые типы дебатов и ссор, обоюдных обвинений и разрешений этих споров властью – все это соответствует судебному процессу в более развитых культурах. Далее, анализ норм поведения показал бы нам, что даже в примитивных обществах нормы могут быть разделены на законы, обычаи, этику и нравы. Те нормы, которые определяют структуру семьи, сущность брака, наследования, родственных связей и политической власти, землевладения и собственности, представляют собой настоящие законы в примитивных обществах. Знание их настолько же важно для администратора, насколько интересно для исследователя. Норматив или юридический аспект общности, таким образом, является вторичным, производным императивом культуры, и в удовлетворении этого императива мы должны искать механизмы кодификации, судебных процессов и санкций в любом человеческом обществе.

Само существование законов подразумевает использование принудительных мер и власти как крайних санкций. Во всех группах существует еще одна причина, по которой появляются формы организованного применения силы. Она связана с межплеменными отношениями. Необходимость обеспечения безопасности племенной территории, возможность агрессии и необходимость коллективной защиты устанавливает то, что можно было бы назвать производным императивом политической организации.

Существует еще один императив, накладываемый культурой на все человеческие группы. Так как культура – это совокупный опыт многих поколений, должны существовать способы и средства, при помощи которых это общее наследие передается от одного поколения к другому. Необходимость такой системы мы можем назвать императивом образования. Здесь функциональный подход опять ставит нас перед необходимостью исследования ранних форм общественной жизни: каким образом семья и группа друзей, церемонии инициации и ученичества, вступление в клановое, деревенское общество и в племя объединены научением и обучением, усвоением

техники производства, правил мастерства, принципов познания, социальных норм и моральных идеалов.

Этими четырьмя инструментальными императивами, как мы могли бы назвать их (экономическая организация, нормативная система, силовая организация, т.е. политическая структура, и механизмы и агенты образования), ни в коем случае не исчерпывается то, что влечет за собой культура в результате наложения вторичных или производных требований как на примитивные, так и на развитые группы. Материальное воплощение культуры и человеческое поведение, связанное с ним, т.е. технические навыки и регуляторы кооперации, достигаются, контролируются и сохраняются в виде традиционных знаний. Это становится возможным посредством языка, инструмента, при помощи которого человек может формулировать общезначимые правила и выражать их словесно. Каждой системе стандартизированных действий соответствует определенная система знаний. Действие должно основываться на предвидении и оценке ситуации, т.е. условий, в которых вынужден действовать человек. Результаты прошлого опыта в каждом обществе, даже примитивном, составляют фиксированную, стандартизированную систему знаний. Потому что человек соприкасается с природой путем конструктивного и творческого преобразования ситуаций, с которыми он сталкивается. Но это действие, через способность предвидеть, всегда основано на опыте прошлых успехов и неудач.

Системы человеческого знания, основанные на действительном опыте и логическом рассуждении, существуют даже среди самых примитивных народов. Они, должно быть, начали свое существование с того самого момента, когда человек впервые сделал орудие труда, открыл полезность огня и произнес первые значащие звуки. Распространенная ошибочная точка зрения, что первобытный человек не имел зачатков науки, что он не ориентировался на эмпирические факты и логику, что он жил в туманном, мистическом или инфантильном мире, может быть очень просто опровержена фактами. Ни одна культура, даже примитивная, не могла бы выжить, если бы ее искусство и ремесло, оружие и экономические цели не были основаны на эмпирическом и логическом знании.

Пер. с англ. А.А.Хохлова